

Истомин Арсений

АНГЕЛЫ СМЕРТИ

Арсений Александрович Истомин
Ангелы смерти
Серия «Нужна сенсация!», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70117135

SelfPub; 2023

Аннотация

На этот раз молодой журналист приходит к человеку, чьё детство прошло в партизанском лагере. Уже пожилой дедушка рассказывает, что творилось за стенами страшнейшего немецкого концентрационного лагеря Освенцим. Вот только Алексей не представляет, какую главную тайну скрывает улыбчивый дед.

Арсений Истомин

Ангелы смерти

В преддверии великого праздника 9 Мая Алексей захотел, чтобы среди прочих у него появилась статья, посвященная данному празднеству. Оставалось лишь определиться с тематикой и предметом повествования. Выбирать долго ему не пришлось, еще в университете, обучаясь на первом курсе, Алексей делал доклад на тему освобождения немецких концлагерей советскими солдатами и войсками союзнических государств. Сама по себе тема была для него очень захватывающей, имелась возможность показать и жестокость немецких нацистов и подвиг русского солдата, освобождающего людей из под уничижительного гнета. Мысль журналиста нацелилась именно на определенный город, где располагались концентрационные лагеря Третьего Рейха. Освенцим считался одним из ужаснейших мест, куда только мог попасть человек. Старый доклад начисто стерся из памяти журналиста, которому теперь пришлось обращаться к интернету, чтобы найти больше информации, чем могла вместить голова. Забивая в поисковой строке «Освенцим», Алексей планировал найти что-нибудь, что могло бы иметь ценность для его статьи. Результаты поиска выдавали немецкий «Аушвиц», но никак не то, что искал Алексей.

– Да, что ж такое, а? – не понимал он, переименовывая строку поиска, при этом оставляя одно слово неизменным. Наконец, до молодого человека дошел ответ на его вопрос. Среди множества других статей была та, в которой было оба названия. Небольшой текст повествовал о том, что первоначальное свое название, которое мы используем по сей день является польское наименование населенного пункта «Освенцим», а уже современные историки и журналисты западных стран используют немецкое обозначение «Аушвиц». Таким образом Алексей сделал вывод, что одно и то же место имеет два наименования. Из своего доклада он помнил, что герои-освободители поименно были записаны в книгах памяти, упоминания о них могли быть и в других исторических источниках. Следовало лишь поискать, и возможно, ему бы удалось поговорить с одним из ветеранов, освобождавших концлагерь.

Увы, но поиск ни к чему не привел. В Москве имелся всего один долгожитель, отмеченный при дальнейшем наступлении уже на территории Европы. Посмотрев среди других концентрационных лагерей, Алексей не нашел оставшихся в живых ветеранов советского союза. Освобождавшие Бухенвальд, союзники были на другом конце планеты, а значит связаться с ними было более проблематично. Тогда-то на ум и пришла идея.

– Есть ли оставшиеся в живых среди тех, кто попал в концентрационные лагеря и смог выжить? – подумал журналист, забивая в поисковике новый запрос.

Среди тех, кто стал жертвами и был освобожден из польского Освенцима значился, как минимум, один человек, который по сей день проживал в Москве и был на порядок моложе, чем представляющиеся нам ветераны боевых действий. Это был некто Юрий Михайлович Горчаков по маленькому описанию удалось понять, что дедушка попал в лагерь в тринадцатилетнем возрасте, там пробыл меньше полугода, после чего был освобожден в январе 1945.

– Освобождение концентрационного лагеря в Освенциме было возложено на... украинский полк и... украинский полк – читал про себя Алексей, периодически просматривая на часы.

На другом сайте среди известных освобожденных тоже значился Ю.М. Горчаков, оставалось лишь найти его, благо возможности современной эпохи творили чудеса. Алексей списался с внучкой малоизвестного пленника, как оказалось к дедушке до него никто не обращался с просьбой, поведать о своем ужасном детстве. Для Алексея это означало, что у него была уникальная возможность, получить первое и, возможно, единственное интервью с этим пенсионером. После

того, как он изложил внучке ветерана свою просьбу, та ответила, что спросит у дедушки, ведь, только с его собственно-го одобрения она готова устроить для Алексея встречу у них дома. Дни шли, наконец, Анастасия, как она была записана в профиле, дала положительный ответ, что ее дедушка готов принять у себя молодого журналиста. Алексея это очень обрадовало, он уже давно сидел готовый, боясь, что у пожилого Юрия Михайловича могли оказаться проблемы со здоровьем, из-за которых тайны его существования в Освенциме ушли бы в могилу вместе с ним. Однако все развивалось наилучшем образом, Алексею назначили дату и время, к которому он должен был подойти на указанный адрес.

В столь ответственный для себя день Алексей пришел заранее, дабы не расстраивать людей, которые были готовы поделиться с ним своей болью и переживаниями. Дедушка жил в обычной хрущевке, почти на краю города. В последнем сообщении от Анастасии он получил этаж – пятый, номер квартиры и пин-код от домофона. Внутри было не так, как представлял себе Алексей лестничные клетки подобных многоэтажек, подъезд были убраны, напротив каждой двери лежали аккуратные коврики, в воздухе почти не чувствовался запах сигарет.

– Неплохо – подумал он, стоя напротив лифта. Вероятнее всего, местные жители скидывались на уборку всем подъез-

дом, иначе нельзя было объяснить отсутствие грязи, пыли и какого-либо мусора на лестницах.

– Добрый день, а вы, должно быть, Алексей? Проходите – встретила его на входе в квартиру приятная с виду девушка.

– Я, надеюсь, не помешал тем, что пришел раньше? – спросил у нее Алексей, стараясь не обрывать завязавшийся диалог.

– Нет. Ну что вы – отвечала ему Анастасия. Она была немного застенчива, не начинала говорить первой и большую часть времени смотрела в пол или куда-нибудь в сторону. Алексея это удивило, он ожидал, что она будет менее отдаленной, настолько, что сама захочет или дать интервью или станет сидеть возле деда, вставляя свое слово через каждые пять минут. Настя сопровождала Алексея в комнату, где уже сидел ее дедушка.

– Юрий Михайлович, разрешите? – спросил у него Леша, встав у входа в комнату.

– А? да, да, проходите пожалуйста – отозвался дедушка, поворачиваясь к двери.

– Проходите, я сейчас подойду – сказала девушка, пока-

зывая на стул напротив ветерана.

– Да, благодарю – произнес Алексей, он вошел в маленькую комнатку и присел на кресло, напротив которого уже сидел Юрий Михайлович.

– Как ваше здоровье? – поинтересовался журналист, надеясь пробудить у собеседника желание вести диалог.

– Да, помаленьку. Когда так, когда так – раз на раз не приходится – ответил тот, немного дергая головой. Седые волосы были аккуратно зачесаны назад, по всей видимости постаралась внучка. Дедушка сидел в обычной одежде, староватой, но опрятной и выглаженной. На морщинистом лице скопилось предостаточно родинок, над грузными веками, прикрывающими немного собой глаза, красовались большие брежневские брови, кое-где проскальзывал редкий темноватый, серый волос, среди остальной серебристой массы.

– Спасибо вам большое, что вы согласились на это интервью – сказал Алексей, доставая из рюкзака блокнот для записей. На отдельной страничке он выписал перечень вопросов, которые можно было задать на случай, если дедуля окажется таким же застенчивым и неразговорчивым, как его внучка.

– Молодой человек, вы знаете, мне самому хотелось уже

давно поведать кому-нибудь о том, что пришлось пережить тогда – признался дедушка.

– Но, почему было не рассказать кому-нибудь из родственников? Например... – хотел было предложить Алексей кандидатуру Анастасии.

– Настеньке? Так она еще совсем ребенок, чтобы такие вещи знать. К тому же не для женских ушей слушать о том, что творили с детьми эти изверги – сказал дедушка.

– Хорошо, Юрий Михайлович, вы можете рассказать о том, что там происходило. Меня интересует то как вы смогли выжить, известны ли вам конкретные примеры использования детей в научных исследованиях немецких врачей. Известно ли вам что-нибудь? – спросил журналист.

Юрий Михайлович немного замялся, просидев так с минутой, он вздохнул, откашлялся и начал свое повествование, которое Алексей старался записывать.

– Нас привезли поездом, смрадный запах в затхлом вагоне стоял который день. Сквозь мельчайшие щели между досками мы увидели красные кирпичные стены, открытые железные ворота, через которые мы проехали на территорию концентрационного лагеря. Открылись запечатанные двери

и народ буквально повалился на свежий воздух. Полумертвые, голодные они уже не держались за эту жизнь, их не пугало то, что происходило в Освенциме. Уставшие, голодные, без еды и воды взрослые, старики, дети – все, кто оставался в живых были на грани жизни и смерти. Нас выгоняли на разгрузочную рампу, где стояли немцы в форме, крича в толпу «Nach rechts !», «Nach Links !». Стоявший там же, за небольшим ограждением немец спрашивал «Zwillinge? ». Я тогда ничего не понимал, для меня было важно не услышать хоть что-то похожее на «русо» или тому подобное. Как оказалось позже, нас все равно определили. Советские заключенные получали паек гораздо меньших объемов, чем те же венгры или цыгане, работавшие с нами. Кто-то из родителей уже тогда подумал, что в первую очередь заберут детей, тогда они прятали их в толпе. Родители, чьи близнецы попадались на глаза немцам были обречены. Их детей отводили отдельно от остальной массы, которую вели на убой. В ходе так называемой «селекции» меня отобрали в отряд, работающий в крематории. Самую многочисленную колонну из стариков, женщин и мужчин с ранениями или явными отклонениями по здоровью теснили отдельно. Их вели в сторону газовой камеры, которая располагалась здесь же на территории. Это было прямоугольное здание с большой трубой. Всех без исключения на входе встречала надпись из металлических букв, располагавшихся в виде кривой дуги. Кто-то из бредущих рядом со мной перевел загадочные буквы.

– Труд ведет к свободе – попытался проговорить тот, кого я даже не увидел в большой толпе.

Нас – рабочий класс отвели на регистрацию, затем выдали одежду и погнали к деревянным баракам, которые я сперва принял за конюшни. Впрочем, молодой человек, это и впрямь оказались конюшни, переделанные под спальные места для нас. Произвели перекличку, после которой и началась жизнь за колючим забором. Работа в крематории началась очень быстро, печи в крематории номер три работали безостановочно. Мертвые тела подтаскивали к жаровням, после чего на специальные носилки клали обмякшие, а порой задубевшие туловища, те сгорали практически дотла. Там я увязался за одним мужчиной, он объяснял принцип работы печи, когда мы стояли с ним в паре.

– Главное, не трать много сил, пока они не смотрят, старайся делать все медленно и осторожно – советовал он. Прибывая тогда в полнейшем шоке, я забыл спросить у него хотя бы имя, поэтому следующие несколько недель я называл его просто дядей. На удивление, он тоже не осведомлялся, как зовут меня. Вероятно, для того, чтобы не возникло человеческой привязанности. Вы знаете, там вообще было мало чего человеческого. Когда нам все-таки удавалось вернуться в бараки, мы падали на деревянные трёхъярусные нары, выло-

женные из гнилых досок. На длинную полосу подобных лежанок во всем бараке была всего одна печь. Она никогда практически не работала и не спасала от ночного и зимнего холодов. Мне удалось не умереть от той сырости и мороза только потому, что большую часть времени я работал у горячих крематориев, которые согревали после ночных заморозков.

Однажды один из рабочих попытался бежать. Я не сразу обратил внимание, когда в воздухе раздался звук выстрела. Я вздрогнул, подтаскивая к горячей печи очередной труп.

– Запомни, не делай резких движений, особенно когда стоишь без работы. Это им очень не нравится, если захочешь умереть, просто беги, и они тебя пристрелят. А хочешь жить, то продолжай работать, как ни в чем не бывало. Даже если в какой-то момент меня убьют, просто затолкай в эту штуковину и мое тело – сказав это, дядя постучал по металлическому корпусу печи, в которой догорали очередные останки.

Дядя научил меня тому, как можно было выжить, не смотря на ужаснейшие условия содержания. Не знаю почему, но кроме трупов, которые мы буквально вытаскивали силой из камер с газом, людей туда пихали, словно сельдь в бочку, привозили трупы с вагонов, тех кто доехать сюда так и не смог. А так же жертв местной больницы, которых дядя мне

запрещал брать голыми руками. Под конец работы запотевшая повязка на нос, которую, кстати говоря, тоже он сказал мне одевать, полностью вымокала, воды нам не давали от слова совсем. Поэтому приходилось выжимать ее и пить, корчась от рвоты. Какие-то из тел были заражены туберкулезом, среди рабочих, кто вкалывал без повязок или перчаток были те, кто начинал харкать кровью и уже через пару дней на сырой лежанке сваливались без признаков жизни.

Надсмотрщики были очень педантичны, в том плане, что тела умерших прямо на рабочем месте отправлялись непосредственно в печи, несколько раз так засунули человека, который просто потерял сознание, пока доносил до крематория очередную жертву. Будучи уже внутри адской машины, он пришел в себя. Во всем крематории раздался истошный крик, плач и вопли, которые доносились из злосчастной печи. Зеваки было попытались его достать, вынув из пламени раскаленные носилки с обуглившимся человеком, к этому времени он уже не подавал признаков жизни. Тогда бедолаги просто засунули его обратно, где он сгорел уже под шум работающих машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.